

ГЕРМАНСКАЯ ОПАСНОСТЬ КАК АРГУМЕНТ ДЛЯ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ФЛОТА. 1905-1914.

Работа представлена кафедрой русской истории.

Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. Ю. Давыдов

В данной работе показано, как изменялось общественное мнение по вопросу восстановления военного флота и каким образом именно немецкая опасность стала одной из главных причин его возрождения. Работа написана на материалах русской периодической печати, представлены газеты всех ведущих направлений; также при описании состояния русского военного флота использованы архивные документы из фонда Совета министров РГИА, содержащие обширный материал по данному вопросу.

In the work it is shown, as the public opinion changed for a question of the restoration of the military fleet and how the German danger became one of the main reasons of its revival. That work was written on the base of the materials of the Russian periodicals and the newspapers of all conducting directions are given; also for the description of a condition of the Russian military fleet the archival documents from the fund of Council of ministers RGIA, these is containing an extensive material for the question are used.

С ролью «нарушителя мира», которая выпала Германии после первого марокканского кризиса, был связан аргумент, используемый в каждом споре о вооружении. При обсуждении этого вопроса правительство, Дума, пресса и общественные объединения с большим вниманием относились к аргументу против ограничения русских морских вооружений, так как он вызывал быстрорастирующий интерес общественности по двум причинам. После Цусимского сра-

жения в 1905 г. у России больше не было боеспособного флота, восстановление военного флота привлекало большое внимание общественности, в сравнении с чем необходимость возрождения армии оставалась в тени. Морское министерство проявляло необычайное усердие в деле разработки программы строительства флота, но его планы через некоторое, весьма непродолжительное время зачастую изменялись, разрушались; проекты не доходили до Думы.

Строительство русского флота в 1905–1914 гг., таким образом, тонуло во множестве проектов, которые Дума и правительство ежегодно вынуждены были разбирать. Благодаря этому военно-морская тема очень часто возникала в разговорах. Наивысшую точку общественного противостояния представляли собой программы 1908 и 1912 гг. В мае 1908 г. в Думу был представлен проект, предусматривающий строительство для Балтийского флота не менее 4 бронированных крейсеров. Это предложение было отклонено Думой. Главной причиной этого была позиция правых и октябристов, выступавших за всестороннюю реформу морского министерства, которое они считали ответственным за Цусимскую катастрофу. В проекте 1908 г. шла речь о сумме в 127 млн руб., в проекте 1912 г. – в 502 млн руб. Программа 1912 г., которая представляла собой только первую часть плана, простирающегося до 1930 г., была принята в Думе большинством голосов. Но она касалась только исключительно Балтийского флота. Для требуемого либералами обновления Черноморского флота, единственного, пережившего Русско-японскую войну, так как она не затронула проливы, в 1911 г. было выделено 150 млн руб., и 110 млн руб. в 1914 г., то есть значительно меньше средств, чем было выделено на строительство Балтийского флота¹.

Морское министерство в вопросе о предоставлении средств для строительства флота 24 октября 1906 г., ссылалось сначала на «вероятного противника». Так как стремительное усиление флота поначалу было ориентировано на Англию и Японию, именно к ним относились слова о «вероятном противнике»². Согласно внешнеполитической переходной ситуации, образ противника в это время был еще неопределенным. Но уже в 1909 г., в записке с обоснованием необходимости строительства флота, наиболее вероятным противником была названа Германия, господствовавшая тогда в Балтийском море, которая могла отступить перед Россией только в случае се-

рьезной угрозы. Если бы и Россия, со своей стороны, могла пригрозить Германии падением, ослаблением или разрушением господства Германии на море и тем самым имела бы возможность продолжительное время гарантировать прочное положение на западе, у России снова смогла бы обратиться к своим историческим задачам на востоке и на юге. При этом ссылались на возможность высадки немецкого десанта в Риге или Санкт-Петербурге или появления там союзного Германии шведского флота³. Эта ссылка возвращает нас к обоснованиям следующей флотской программы⁴, 1911 г., когда зависимость России от Германии росла год за годом вместе со строительством кораблей⁵. Эти мнения морского министерства в России никогда не были опубликованы. Они были представлены в печатном виде Совету министерства для вынесения решения по проекту или, как в 1912 г., в качестве секретных документов были переданы морским министром председателю Думы и тотчас возвращены. Остальную часть общества представления правительства о Германии как о вероятном враге России не достигли.

Перед Думой аргументация правительства выглядела по-другому. В дебатах 1908 г. ни заместитель морского министра И. Ф. Бо-стрем⁶, ни премьер-министр не употребляли используемые внутри властных структур аргументы. Главным обоснованием восстановления флота для П. А. Столыпина было строительство кораблей как «знак национального триумфа». Что бы это могло означать? Кроме этого, нужно было создать новые рабочие места и быть способными защищаться⁷. Монархист А. С. Вясигин подчеркнул, что царя и столицу нельзя оставлять незащищенными, также флот нужен был для того, чтобы добиться выхода к южным морям⁸. Еще отчетливее высказался националист А. П. Урусов, который подчеркнул возможность переброски армии с помощью флота за 2–3 недели к Царьграду (Стамбулу). Среди защитников проекта Урусов был единственным, кто упомянул

Германию: он рассматривал ее как образец для быстрого строительства сильного флота, которое возможно в России⁹. Защитники предложений правительства, таким образом, не придавали Германии образа возможного противника. Те депутаты, которые отклоняли программу целиком (они составляли большинство), не ощущали никакого интереса к тому, чтобы создавать образ врага, который только ослабил бы их аргументы. Н. Е. Марков, пожалуй, наиболее точно сформулировал позицию противников правительства, сказав, что наиболее ярые противники восстановления флота сидят в морском министерстве, и их единственной целью является новая Цусима¹⁰.

При вторых больших дебатах о флоте в 1912 г. правительство также не создало никакого «образа врага»; В. Н. Коковцов в своей речи разбирал, прежде всего, вопросы финансирования¹¹. Что касается противников программы, кадеты относились к ним целиком, октябристы и прогрессисты раскололись, правые и националисты, после проведения затянувшихся реформ в морском министерстве примкнули к правительственному лагерю. Это привело к тому, что был разрушен образ врага и уничтожен страх перед немецкой агрессией, который, по мнению А. И. Гучкова, напал на всех депутатов¹². Речь П. Н. Милюкова единственная служила другой цели. Он высказал двойственную точку зрения на Германию. Сначала он пытался ослабить представление о возможной немецкой атаке на Петербург, которое было распространено в некоторых газетах: опасность войны в Европе меньше, чем в других частях света, кроме того, встреча в Потсдаме привела к укреплению мира. Хотя Германия во время второго марокканского кризиса предъявила очень завышенные претензии, но потом вовремя их умерила. Кроме того, немецкий флот для операции по высадке десанта слишком мал. К тому же Милюков пытался опровергнуть аргумент Урусова о Германии как «образце». Он считал немецкий пример недостижимым для России, так

как немецкому строительству флота предшествовала индустриальная революция, которая сделала Германию индустриально развитой страной. Это условие отсутствовало в России. Эта речь лидера кадетов являлась ярким примером того, как изменялся образ Германии, подчиняясь повседневному переменчивым нуждам внешней политики. За год до подписания Потсдамского договора Милюков в газете своей партии жаловался на стремление Германии к мировому господству с целью устранить опасность внешнеполитической ориентации на Германию¹³.

Поэтому В. Н. Коковцов не мог экономить на повторении аргументов Морского министерства перед Думой, так как депутаты и так были хорошо информированы благодаря курсирующим закулисным слухам. Пресса, в значительной мере свободная от внешнеполитического внимания, могла беспрепятственно распространять представления о Германии как о будущем, противнике, и это делалось надлежащим образом. В 1908 г. «Русское слово» подготовило серию из пяти частей для решающего заседания Думы. При этом оно детально исследовало возможность вступления кораблей немецкого военного флота в русское водное пространство, на что Россия вынуждена смотреть «ничего не делая»¹⁴. «Русское слово» зашло так далеко, что потребовало сумму в 2 млрд руб. для строительства флота, утверждая, что нельзя тратить на флот меньше средств, чем Германия¹⁵. (Во время дебатов поначалу шла речь о четырех ежегодных взносах на общую сумму в 27 млн руб.) Также «Биржевые ведомости» поддерживали энтузиазм вокруг строительства флота, формулируя это так: «отечество нуждается в сильном флоте как легкие в воздухе»¹⁶.

Когда программа была одобрена в Думе, сила противостояния увеличилась. Правый публицист Меншиков, который, как бывший морской офицер, претендовал на авторитет в этом вопросе, видел единственный шанс для своего проекта флота

для защиты побережья, который он противопоставлял морскому флоту. Дискуссия достигла высшей точки, когда М. О. Меншиков и С. Ф. Шарапов разошлись во мнениях по вопросу о возможности немецкого нападения. Меншиков 14 июля 1908 г. утверждал в «Новом времени», что немцы и русские нуждаются, прежде всего, в мире, в войне заинтересованы только поляки и евреи. Ему возражал Шарапов в «Свете», газете полковника В. В. Комарова, который в 1878 г. с саблей выступал за панславистские идеалы, а теперь защищал их пером, причем безуспешно. Шарапов называл Меншикова трусом: ему самому война с Германией казалась желательной. Германия, по его мнению, не имела никакой возможности выиграть войну, к тому же он надеялся на народную войну с Германией, вызванную подъемом национального самосознания. Меншиков ответил ему в двух исчерпывающих статьях в «Новом времени» 1 и 26 июля 1908 г. Он возражал Шарапову по поводу того, что Россия может выиграть эту войну, так как именно Германия является «господином» Балтийского моря. Меншиков, однако, соглашался со своим «приверженцем», как он иногда называл Шарапова, в том пункте, что такая война возможна, поэтому России нужен флот. Меншиков рассматривал Петербург как особо подверженный опасности город: по его мнению, немецкие корабли могли оказаться в Финском заливе через три дня после начала войны¹⁷.

Год спустя после этого спора с Шараповым Меншиков еще раз выдвинул мысль о возможном нападении немцев на Петербург¹⁸. К этому времени дискуссия перекинулась и на другие газеты, даже осторожный «Голос Москвы» подчеркнул заслугу Меншикова в том, что он обратил внимание общественности на грозящую Петербургу опасность¹⁹. Возникшая в XIX веке мысль о возможном нападении немецкого флота на Петербург в последующие годы стала почти банальностью, так как шла речь о строительстве железнодорожной

линии между Ревелем и Москвой, и докладчик «Нового времени» Б. Л. Алексеев одинаково жаловался на «опасность висящего над Петербургом дамоклова меча немецкого нападения»²⁰ и угрозу Риге, после занятия которой немцы будут иметь в своих руках всю Балтику²¹. Когда в 1911 г. в Думу была представлена вторая большая программа строительства флота, от воодушевления 1908 г. мало что осталось. «Русское слово», например, призналось, что у России никогда не получится построить флот, равный немецкому.²²

Двумя важнейшими русскими флотскими объединениями были «Лига обновления флота» и «Российский морской союз». Лига выросла из «Императорского русского технического общества», которое существовало с 1866 г. и преследовало прежде всего научные цели. Уже перед гибелью Балтийского флота у Цусимы в 1905 г. Беклемешев, член «Русского собрания», председатель компетентной секции Технического общества и, позднее, председатель Лиги, ощущал возможности Общества как слишком ограниченные для того, чтобы оно могло донести мысль о необходимости создания сильного военного флота до общественности. В этом полумраке между различными объединениями, министерской бюрократией и металлургической промышленностью неизбежно натыкались на ничтожку, которая вела к «Новому времени». А. С. Суворин был награжден золотой медалью Лиги, его газета агитировала за строительство флота, используя исключительно экономические аргументы²³, а Меншиков не боялся выступать за четыре морских флота: на Балтийском, Черном, Белом и Желтом морях²⁴. В этом случае друг с другом тесно переплетались общественный и частный интересы, так как газета пропагандировала назначение теоретика флота Н. Л. Кладо, своего сотрудника, шефом Морской академии²⁵.

Основанный в начале 1906 г. «Союз» не был настолько тесно связан с промышленностью, как Лига. Он состоял в основном

из членов Думы, преимущественно из заднекамеечников-октябристов и морских офицеров. Одним из его основателей был З. П. Рождественский. Вопреки собственным высказываниям, оба союза получали финансирование от морского министерства; таким образом, для конкуренции друг с другом не было места. Морской союз был нацелен скорее на членов Думы и журналистов, Лига занималась остальной общественностью. В своей аргументации оба союза часто ссылались на Германию. Лига требовала флот, который должен был быть сильнее немецкого, причем как аргумент использовали борьбу между славянами и германцами²⁶. Особенно часто на немецкую опасность указывал Клапо. Он описывал возможное немецкое нападение на Россию через Петербург и Москву в красках и со всеми подробностями и делал из этого вывод о необходимости для России достижения господствующего положения на морях²⁷.

Бросим беглый взгляд на отношения между крупной промышленностью и общественностью. Не будем касаться особого случая Рябушинских, которые считали «Утро России» своей домашней газетой. Одним из крупнейших русских банков был Азовско-Донской банк, основанный в 1871 г. при участии «Credit Mobilier Francais». Этот банк был занят, прежде всего, в горнодобывающей промышленности, в металлургической, нефтяной и электроиндустрии. Как почти все русские банки, он держал связь с компанией «Сименс». Среди прочих Азовско-Донской банк поддерживал два французских общества, которые состояли в конкуренции с Simens&Halske. Ведущим директором Азовско-Донского банка был Б. А. Каминка. Он был связан с кадетской «Речью», его племянник, А. И. Каминка, известный юрист, был членом комитета этой газеты. Среди многих постов, которые Б. А. Каминка занимал, была должность председателя Таганрогского металлургического объединения. Это объединение принадлежало «Продамету» – самому крупному русскому картелю (объедине-

ние для продажи изделий русских металлургических заводов). В ходе падения уровня сбыта после 1900 г. и крупного экономического кризиса все крупные фирмы русской металлургической промышленности вошли в картель, который должен был организовать устав металлургического ремесла. Фактически «Продамету» подчинялось намного больше фирм, так как с 85% металлургической продукции он контролировал фактически весь русский рынок стали и железа. Одним из директоров «Продамета» был А. Ю. Руммель, чей отец Ю. В. Руммель был секретарем Лиги обновления флота²⁸.

Исходя из числа своих членов (в Лиге – 1000 человек, в Союзе – 423)²⁹, так и масштабов распространения своих журналов, оба объединения оставались вне круга петербургской общественности³⁰. Слишком глобальной была задача, слишком трудно было каждого жителя превратить в приверженца строительства морского флота. Россия всегда решала исход своих войн на суше, и все были убеждены, что и в дальнейшем это положение сохранится. Те же, кто подобно А. И. Гучкову³¹ и С. А. Котляревскому³², выступали против идеи угрозы немецкого флота, находились, тем не менее, под впечатлением угрозы со стороны немецкой армии. Так как русский флот не породил такого гения пропаганды, как Тирпитц³³, газетам оставалось только нагнетать точно дозированную германофобию, которая должна была быть настолько маленькой, насколько это возможно, чтобы избежать могущих возникнуть вследствие этого внешнеполитических осложнений, и одновременно настолько большой, насколько это было необходимо, чтобы претворять в жизнь флотскую программу. Эта цель была достигнута. В 1913 г. даже пацифисты убедились, что от Германии исходит опасность для мира³⁴.

Как мы видим, политическая обстановка за десятилетие с 1905 по 1914 г. сильно изменилась: Германия из лучшего друга России, каким она была в 1905 г., превратилась во врага. В то время как Россия,

потеряв военный флот в результате Русско-японской войны, не спешила с его восстановлением, в Германии успешно реализовывалась обширная программа усиления военного флота. В результате германский военный флот стал одним из лучших в мире и мог конкурировать с английским, угрожая господствующему положению Великобритании на море. Российское правительство, не вполне адекватно оценивая ситуацию, не видело необходимости принимать участие в гонке вооружений, развернувшейся между Германией и Англией, и не считало восстановление военного флота приоритетным делом. Что касается российского обывателя, то он вообще не понимал, зачем тратить деньги на флот, когда в стране так много социальных

проблем. Но ситуация изменилась. В течение этого десятилетия мир несколько раз оказывался на грани войны, не в последнюю очередь благодаря Германии, стремившейся к мировому господству. И еще стало ясно, что предстоящая война будет войной не армий, а вооружений, и выиграет в ней тот, кто лучше вооружен. Благодаря усилиям прессы даже средний обыватель понял, какая опасность исходит от Германии, которая угрожала суверенитету страны и жизни каждого из ее граждан. Проблема восстановления флота предстала во всей своей остроте. Именно германская военная опасность для большинства обывателей стала главным аргументом для восстановления российского военного флота.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это был прогрессист А. А. Уваров, который первым указал Думе на необходимость усиления Черноморского флота. Речь, 1910 г., 22 марта.

² РГИА. Ф.1276, оп. 2, ед. хр. 444 (Об ассигновании средств Морскому министерству на осуществление программы усиленного судостроения). Л. 19, 22.

³ РГИА. Ф. 1276, оп. 3, ед. хр. 595 (По проекту программы развития морских вооруженных сил на 1909–1919 гг.). Л. 91, 95.

⁴ РГИА. Ф. 1276, оп. 3, ед. хр. 2287 (По вопросу программы усиленного судостроения). Л. 6.

⁵ РГИА. Ф. 1276, оп. 6, ед. хр. 471.

⁶ Речь, 1908, 24 мая.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Речь, 1911, 23 сентября.

¹⁴ Русское слово, 1908, 22 мая.

¹⁵ Русское слово, 1908, 7 мая.

¹⁶ Биржевые ведомости, 1908, 24 мая.

¹⁷ В том же году Шарапов издал свои доклады и Меншикова в этой полемике в виде брошюры: *Шарапов С. Ф. С Англией или с Германией. М., 1908.*

¹⁸ Новое время, 1908, 15 августа.

¹⁹ Голос Москвы, 1909, 5 февраля.

²⁰ Новое время, 1911, 13 января.

²¹ Новое время, 1911, 28 февраля; Русское слово, 1908, 20 ноября.

²² Русское слово, 1912, 21 февраля.

²³ Новое время, 1908, 25 мая.

²⁴ Новое время, 1912, 7 июня; 1914, 29 марта.

²⁵ Новое время, 1908, 7 марта.

²⁶ *Беклемишев Н. Н.* Восстановление русской морской силы на внутренней базе. СПб., 1910. С. 20.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

²⁷ *Кладо Н. Л.* Значение флота в ряду военных средств государства // *Помни войну!* Сборник статей на современные военные темы. М., 1911. С. 45–56.

²⁸ *Руммель Ю. В.* Чем грозит России отсутствие флота. СПб., 1907.

²⁹ *Португалов Н. М.* После Цусимы. Воронеж, 1910. С. 313.

³⁰ Лига обновления флота. Возникновение и деятельность. СПб., б. д. С. 3.

³¹ Речь, 1912, 7 мая.

³² *Котляревский С. А.* Флотский вопрос и внешняя политика // *Вестник народной свободы*, 1908, 20 января. С. 79.

³³ *Berghahn V. R.* Der Tirpitz-Plan. Genesis und Verfall einer innenpolitischen Kriesenstrategie unter Wilhelm II. Duesselldorf, 1971.

³⁴ *Федоров М. П.* Экономические интересы, замешанные в большой европейской войне // *Петербургское общество мира*. Вып. 2. СПб., 1913. С. 46.